

Сюй Ган и Гу Хуайли, будучи мужчинами, не могли должным образом ухаживать за Ху Чжэнь, которая даже перевернуться не могла. Поэтому тётки по очереди приходили в дом Гу, чтобы помогать ей, что дало Гу Хуайли возможность провести последние две недели в столице провинции с Гу Минъюем.

Когда Гу Минъюй вернулся домой, как раз шли вступительные экзамены в университет, и школа была закрыта. После их окончания он решил найти того одноклассника, который помог ему в тот день — Гу Минъюй смутно помнил, что тот был в форме Первой средней школы.

Однако к тому времени выпускники уже сдали экзамены и больше не появлялись в школе, кроме как для оценки результатов и подачи заявлений. Цзи Линъюань, о котором шла речь, уже устроился на работу на завод, чтобы заработать на оставшуюся часть обучения, и собирался вернуться только для подачи заявления. Несмотря на свой внушительный рост, он был скромным и молчаливым человеком, и ученики младших классов только слышали, что в старшем классе есть высокий парень, но не знали его имени или класса.

Когда Чжоу Чэн вышел из изолятора, шёл дождь. Он шёл по грязной дороге, держа в руках чёрный зонт. Его мать, будучи связанной с делом Чжоу Чжи, не могла участвовать в процессе, и он сам долго умолял прокурора, чтобы ему разрешили встретиться с братом во время допросов.

Чжоу Чжи сильно изменился за полгода. Раньше он был высоким, стройным и аккуратным, с ухоженной стрижкой и озорной улыбкой. Теперь же его лицо было покрыто щетиной, глаза впали, и он выглядел на десять лет старше. Увидев Чжоу Чэна, он начал рыдать, умоляя спасти его и обещая больше не трогать Гу Минъюя.

— Пусть Чжоу Чэн попросит Гу Минъюя!

Охранник ударил дубинкой по решётке, чтобы успокоить его. Чжоу Чэн заметил, как брат с ужасом смотрел на дубинку, что говорило о том, через что он прошёл.

Чжоу Чэн чувствовал тяжесть в груди. Он не знал, что сказать. Просить Гу Минъюя было бесполезно, к тому же он давно его не видел.

Внезапный удар грома заставил Чжоу Чжи упасть на пол. Из-за его нестабильного состояния допрос прервали, и охранники увели его, пока он сопротивлялся и издавал нечеловеческие звуки, вцепившись руками в железные стул и стол. Чжоу Чэн не смог больше смотреть на это и вышел из комнаты.

Он стоял под навесом, глядя на молнии, рассекающие небо.

— Я видел много преступников, — сказал старый Шао, человек, который привёл Чжоу Чэна, положив руку на его плечо. — Такие, как он, не редкость. Некоторые действительно боятся, другие притворяются, чтобы избежать наказания. Но большинство всё же боится. До тюрьмы

все думают, что они крутые, а потом понимают, что есть те, кто ещё хуже.

— Дядя Шао... — Чжоу Чэн с трудом улыбнулся. — Я знаю. Мама предупредила меня, но я всё равно хотел его увидеть.

Шао кивнул.

— Ты ведь сдаёшь экзамены в этом году? Как подготовка? Куда хочешь поступить?

— Мои результаты, как вы знаете, средние. Главное — попасть в Пекин. Неважно, в какой университет, лишь бы в столице.

— О? Так стремишься в столицу?

Потому что Гу Миньюй говорил, что хочет поступить в Пекинский университет. Чжоу Чэн просто хотел быть ближе к нему.

Когда Шао спросил, зачем он пришёл к Чжоу Чжи, Чжоу Чэн промолчал, лишь покачал головой и ушёл под дождём.

Он понимал, что Шао имел в виду. Никто, кто видел дело, не сочувствовал Чжоу Чжи. Шао, как прокурор, смотрел на него с холодностью. Он не хотел, чтобы Чжоу Чэн слишком сочувствовал брату, даже если они были родственниками.

Дождь лил не переставая. Чжоу Чэн шёл медленно, пробираясь через лужи. Глядя на своё отражение в грязной воде, он чувствовал, как тяжесть на душе сжимает его сердце.

Гу Миньюй спрашивал, думал ли он о тех, кого обидел Чжоу Чжи. Честно говоря, раньше он не задумывался. Может, это было равнодушие, может, бегство от реальности. Тогда он видел в Чжоу Чжи только брата, человека, близкого ему, который, возможно, сбился с пути или поддался моменту. Он, как и вся семья Чжоу, не надеялся на оправдание, лишь на снисхождение.

В такой ситуации Чжоу Чэн боялся узнавать о страданиях жертв, поэтому и сказал то, что сказал Гу Миньюю. Реакция Гу Миньюя стала для него ударом. Когда тот посмотрел на него, как на чужого, Чжоу Чэн начал задумываться, не ошибся ли он.

Это дело, связанное с несовершеннолетними и имевшее широкий резонанс, не освещалось в прессе. В народе больше говорили о коррупционном скандале, который оно вскрыло. Чжоу Чэн пошёл к Вэнь Биню, чтобы узнать, как они с Гу Миньюем нашли жертву и уговорили её рассказать правду. Выслушав рассказ, Чжоу Чэн не смог вымолвить ни слова.

Он пришёл к Чжоу Чжи, чтобы напомнить себе: некоторые ошибки не заслуживают прощения.

Когда он вернулся домой, дверь соседей была заперта. Чжоу Чэн не знал, как сейчас обстоят дела у Гу Минъюя. Тот был настолько решительным, что их общие друзья не осмеливались рассказывать о нём, потому что Гу Минъюй запретил.

Глядя на знакомое окно на втором этаже, Чжоу Чэн чувствовал, как что-то застряло у него в горле.

Дождь не прекращался. Чжоу Чэн промок до нитки, и когда он снял обувь, из неё вылилось столько воды, что можно было бы разводиться золотых рыбок. Стряхнув капли с зонтика, он оставил его под навесом и вошёл в гостиную, где увидел отца, Чжоу Мина, стоящего у окна и смотрящего на высокую стену во дворе.

— Папа.

Он позвал, но ответа не последовало. Чжоу Чэн не стал настаивать и поднялся наверх, чтобы переодеться и вытереть волосы.

Возможно, его склонность к бегству от проблем была унаследована от отца. В отличие от бурной реакции семьи Гу, они втроём делали вид, что всё в порядке. Только отец становился всё молчаливее, мать возвращалась домой всё позже, а Чжоу Чэн...

Иногда он думал, как бы поступил Гу Минъюй. Тот бы, не колеблясь, вынес всё на свет, разорвал бы завесу молчания между взрослыми. Гу Минъюй никогда не был трусом.

Но Чжоу Чэн не мог так. Даже зная, что родители давно не разговаривают, даже видя, как они спят в одной постели и едят за одним столом, не обмениваясь ни словом, даже чувствуя, как дом наполняется холодом и подавленностью, он не решался. Он боялся потерять родителей, а после потери Гу Минъюя это означало бы потерю всего.

Когда Чжоу Чэн спустился на кухню, чтобы приготовить ужин, он достал овощи из холодильника, вымыл и нарезал их. Каждый раз, когда мать задерживалась, отец отказывался готовить, будто в знак молчаливого протеста. Чжоу Чэну ничего не оставалось, как делать всё самому. К счастью, Гу Минъюй был отличным поваром, и иногда, когда у него было настроение, он ходил на рынок за любимыми продуктами и готовил сам. Чжоу Чэн помогал ему, так что нарезка и чистка овощей у него выходила неплохо.

Закончив с подготовкой, он взглянул на часы. Время было ещё не позднее, и он положил нож, направившись в гостиную.

Чжоу Мин всё ещё стоял у окна, не изменив позы. Из-за дождя в комнате было темно, и Чжоу Чэн, включая свет, спросил:

— Папа, что ты так долго рассматриваешь?

Свет осветил гостиную, и Чжоу Чэн сразу заметил раскрытый альбом на столе — тот самый, что он спрятал на дне шкафа.

Его словно окатило ледяной водой.

— Я смотрю на эту стену, — голос Чжоу Мина был ровным. — Хорошая стена.

Чжоу Чэн закусил губу и неуверенно потянулся к альбому.

Чжоу Мин, увидев его движение в отражении окна, холодно сказал:

— Не трогай.

Чжоу Чэн замер, на лбу выступил холодный пот.

— Оставь его там. Пусть мать посмотрит, когда вернётся. Пусть увидит, что вы с ней натворили!

К последним словам Чжоу Мин уже не мог сдержать гнева.

<http://bllate.org/book/15446/1371524>